Н.В. Багапш

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГРУЗИНСКОЙ ССР В АБХАЗИИ В 1930–1950-Е ГГ. КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РАННИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ СТАЛИНА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Политика Тбилиси по ассимиляции абхазского этноса в 1930–1950-е гг., как и ее отдельные аспекты, детально исследована в абхазской историографии. Обращались к этой теме также российские, западные и грузинские учёные.

Этнокультурная политика Грузии в Абхазии в 1930–1950-е гг., по мнению Г.П. Лежава, не только вписывалась в общие контуры национальной политики советского государства того периода, но и отвечала теоретическим представлениям Сталина по национальному вопросу, изложенным в работе 1913 г. «Марксизм и национальный вопрос»[1]. Стоит отметить, что на данную статью обратил особое внимание Ленин, после чего Сталин, несмотря на критику Лениным отдельных положений его работы, стал считаться главным специалистом по национальному вопросу в РСДРП(б). Сразу же после Октябрьской революции он занял пост наркома по делам национальностей РСФСР.

Мы согласны с мнением Г.П. Лежава по обоим пунктам: очевидно, что сама сталинская практика в этом вопросе, начиная с 1930-х гг., когда у него появилась возможность действовать полностью самостоятельно, вытекала из его ранних теоретических представлений. Практика эта применялась, как мы увидим ниже, в общесоюзном масштабе, а поэтапная ассимиляция абхазов была одним из звеньев в цепи этнокультурной гомогенизации союзных и ряда автономных (внутри РСФСР) республик. Вместе с тем, эта общесоюзная политика в пределах Грузинской ССР легла на благодатную почву, подготовленную грузинским национализмом предшествующего периода, и явилась органическим продолжением деятельности как грузинского национального движения дореволюционного времени, так и национальной политики Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг.

Обратимся к тому, что писал Сталин в 1913 г: «Культурно-национальная автономия предполагает более или менее развитые национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу. Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной ли-

[1] Г.П. Лежава. Абхазия: анатомия межнациональной напряжённости. М., 1999. С. 147.

тературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их "организовать" в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно-национальной автономией? Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их "организовать" в национальные союзы? Вокруг каких "культурных дел" их организовать? Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко ещё не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их "организовать" в единый национальный союз?.. Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры»[1].

Как же реализовывались на практике ранние теоретические построения Сталина спустя 25 лет, когда он стал лидером СССР? Линия на этнокультурную консолидацию этноязыковых и этноконфессиональных меньшинств с доминантной группой посредством институционально закреплённых механизмов ассимиляции начала проводиться в Советском Союзе, особенно с конца 1930-х годов, практически повсюду: на Украине, в Татарстане, Дагестане, Азербайджане, Узбекистане и во многих других регионах государства.

Многочисленные национальные районы, волости и сельсоветы, созданные по всему СССР в 1920–1930-е гг. (в рамках ленинской политики коренизации) в местах компактного проживания этносов, не являвшихся титульными для данной территории[2], к концу 1930-х гг. были в основном ликвидированы, то есть потеряли статус национальных. В 1934 г. в СССР насчитывалось свыше 240 национальных районов и более 5300 национальных сельсоветов[3]. К 1937 г. количество национальных сельсоветов превысило 11000. По данным на 1934 год, около 10% всех районов и порядка 12% всех сельсоветов Советского Союза относилось к категории национальных[4]. В пределах Абхазии статус национального (грузинского, но не мингрельского) имел Гальский район[5]. В конце 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О

[1] И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос // И.В. Сталин. Сочинения. Т. 2. 1907–1913. М., 1954. С. 349–351.

[2] Эти этносы далеко не всегда были представлены меньшинствами. Даже на территории РСФСР, в пределах автономных республик, автономных областей и национальных округов, было выделено значительное количество русских национальных районов и сельсоветов.

[3] Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934. С. XI.

[4] А.И. Вдовин. Русские в XX веке. М., 2004. С. 422.

[5] Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934. С. 250.

ликвидации национальных районов и сельсоветов»[1]. М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха отмечают: «Теперь же, чтобы существенно ускорить движение в "постнациональное советское целое", была оказана мощная административная поддержка процессу этнической гомогенизации уже существовавших крупных национальных единиц, а именно титульных наций советского государства. Эта политика набирала свои обороты с начала 1930-х годов…»[2].

Рассмотрим некоторые локальные сюжеты. В Дагестане в рассматриваемый период было осуществлено включение андо-цезских народов (а к переписи 1959 г. – и арчинцев[3]) в состав аварцев, однако аналогичная административная этническая консолидация народов лезгинской группы так и не была осуществлена. Нациестроительство в Западном Дагестане, взявшее курс на формирование единой аварской этнонации, осложнялось, по мнению В.О. Бобровникова, не только языковой пестротой территории, но и отсутствием у местного населения этнического самосознания как такового[4]. А.А. Цуциев, описывая особенности национально-государственного строительства в регионе в этот период, также отмечает аморфность находившегося в зачаточном состоянии этнического самосознания дагестанских горцев: «Оставаясь в своих горных ландшафтных ареалах, дагестанское население по-прежнему является ансамблем множества джамаатов и соответствующих им локальных идентичностей. Структура этого ансамбля политически более важна и психологически более существенна, нежели конфигурация этнических ареалов, которые лишь начинают прочерчиваться едва заметным политическим пунктиром»[5].

В Азербайджане консолидация азербайджанской социалистической нации проводилась путём частичного или полного административного включения местных мусульманских этносов в состав доминантного тюркского этноязыкового ядра и последующей этноязыковой ассимиляции аварцев, ахвахцев, ингилойцев, курдов, лезгин, рутульцев, талышей, татов, цахуров и шахдагских народов[6]. В то время как в лезгинских селах Дагестана имелась лезгиноязычная начальная школа, в Азербайджане процесс обучения в течение всего советского периода (за исключением непродолжительного

---

[1] А.И. Вдовин. Указ. соч. С. 130.

[2] Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвеч. М., 2015.С. 337.

[3] Д.Ш. Рамазанова. Языковая политика в Дагестане: исторический аспект // Теория и практика общественного развития. 2015. №9. С. 172.

[4] В.О. Бобровников. Советская национальная политика и изменение идентичности горцев Западного Дагестана // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М., 1998. С. 114.

[5] А.А. Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 65.

[6] Как отмечает А.А. Цуциев, полное поглощение некоторых миноритарных мусульманских этносов Азербайджана по «кемалистскому шаблону» всё же сдерживалось самой советской национальной инженерией [Там же. С. 68].

периода с 1935 г. по 1938 г.[1]) проходил на тюркском языке, и лишь с 1963 г. в школах лезгинских сёл Кусарского и Кубинского районов были введены как предметы лезгинский язык и литература[2]. В середине 1930-х гг., в период наиболее активного выделения низовых административно-территориальных единиц по этническому принципу, 3 района на юге Дагестана – Ахтынский, Касумкентский и Курахский – имели статус лезгинских национальных[3]. Однако Гильский (Кусарский) район Азербайджана, также населённый преимущественно этническими лезгинами[4], не имел аналогичного статуса. Азербайджан в тот период был единственной союзной республикой с компактными ареалами расселения этнических меньшинств, не имевшей в своём составе ни одного района со статусом национального[5].

Как мы уже отмечали, этнокультурная политика Грузии в сталинское время полностью соответствовала и установкам грузинского национализма предшествующего периода. В частности, языковая политика советской Грузии в обозначенную эпоху являла собой прямое продолжение языковой политики ГДР, базис которой был заложен деятелями грузинского национального движения ещё в XIX столетии. Авторы исследования, посвящённого Большому террору в Грузинской ССР, отмечают: «В целом же политику республиканского центра (Тбилиси. – Н.Б.) можно трактовать как продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви, которые с 1880-х годов ожесточенно боролись против попыток со стороны России ввести письменность для мингрельского и абхазского языков…»[6]. В ходе дебатов, проходивших 2 августа 1919 г. в Учредительном собрании Грузии, представитель фракции грузинских эсеров Л. Шенгелая (Киачели), впоследствии ставший известным грузинским советским писателем, заявил следующее: «…проводить национализацию (языковую грузинизацию Абхазии. – Н.Б.) одним наскоком, по нашему мнению, нанесёт огромный ущерб… На наш взгляд, национализация должна проходить не сверху, а снизу и основная тяжесть должна лечь на земства, которые должны ввести грузинские школы»[7].

---

[1] М.М. Магомедханов. Дагестанцы: этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008. С. 49.

[2] М.М. Ихилов. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. С. 17.

[3] Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934. С. 124–126.

[4] По данным переписи населения 1939 года, в Кусарском районе проживали 53968 человек, из которых 47415 (87,9%) были лезгинами, 3892 (7,2%) – азербайджанцами, 2135 (4,0%) – представителями восточнославянских народов, 279 (0,5%) – евреями и 247 (0,5%) – представителями прочих этносов [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999].

[5] Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года. М., 1934. С. 234–240.

[6] Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвеч. М., 2015.С. 331, 332.

[7] Г.П. Лежава. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997.С. 75.

В Абхазии эта политика, как известно, включала множество компонентов: сверхрепрессии в отношении абхазов в период Большого террора[1]; демографическая колонизация, осуществлявшаяся путем планового переселения грузинских крестьян в Абхазию[2]; сверхпризыв абхазов в период Великой Отечественной войны и направление их преимущественно в пехотные войска[3]; перевод абхазского алфавита на грузинскую графическую основу и последующий перевод абхазских школ на грузинский язык обучения, т.е. фактическая ликвидация абхазских школ; грузинизация топонимики; этнически избирательная кадровая политика[4]; планы по депортации абхазов[5]; джерримендеринг административно-территориального деления, выразившийся в разделении Гудаутского района надвое с образованием Ахалиафонского района[6] и ряд других инструментов.

Многие из перечисленных компонентов ассимиляционной политики грузинского республиканского центра применялись и в отношении южных осетин. В частности, в 1938 г. не только абхазский, но и осетинский латинизированный алфавит в пределах Грузинской ССР был переведён на грузинскую графическую основу, в то время как осетинская письменность в границах РСФСР была переведена на кириллицу[7]. Это создало, на первый взгляд, парадоксальную ситуацию, когда единый компактно расселённый малочисленный этнос в пределах одного государства пользовался двумя разными системами письма. Однако, если мы вспомним слова Сталина, озвученные им в 1913 г. относительно дихотомии ассимиляционных процессов в среде осетинского народа, то логика мероприятий конца 1930-х гг. становится более понятной: закавказские осетины, как и абхазы, по мысли вождя, должны были стать грузинами, и этот процесс был форсирован институционально. Ранее аналогичное административное включение в состав грузинской этнонации произошло с картвелоязычными мингрелами, сванами и аджарцами, также упоминавшимися Сталиным в статье «Марксизм и национальный вопрос».

Несмотря на то, что абхазы так и не были официально инкорпорирова-

---

[1] Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвеч. М., 2015. С. 244–267.

[2] См. Багапш Н.В. Демографическая колонизация как инструмент политики национальной гомогенизации в Грузинской ССР (на примере Гудаутского района Абхазии) // Вестник антропологии. 2018. № 3. С. 4–23.

[3] В.М. Пачулия. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум, 2015. С. 16–18.

[4] См. Аслан Отырба. По лезвию кинжала / Сост. Авидзба А.Ф. Сухум, 2017.

[5] М. Геллер М., А. Некрич. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Т. 2. Лондон, 1982. С. 92.

[6] См. Багапш Н.В. Административно-территориальные преобразования как инструмент национальной политики Грузинской ССР в Абхазии (на примере Ахалиафонского района) // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сборник материалов международной научно-практической конференции (7–11 ноября 2018 г.). Пермь, 2018.

[7] Х.С. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 59, 60.

ны в состав грузинской нации в сталинский период, по всей вероятности, к началу 1950-х гг. сигнал к этому уже был дан сверху. На закате сталинской эпохи в ряде публикаций появляются недвусмысленные указания на то, что абхазов следует рассматривать как этнических грузин, причем доходит до того, что абхазский язык объявляется одним из картвельских языков[1]. На страницах номеров газеты «Советская Абхазия», вышедших в течение 1950 г., нам не удалось обнаружить ни одного случая употребления словосочетания «абхазский народ». В то же время неоднократно встречается формулировка «трудящиеся Абхазии, как и весь грузинский народ…».

Завершая статью, хотелось бы обратиться к такому, казалось бы, незначительному эпизоду ассимиляционной политики, как особенности использования детских имен в абхазском букваре Андрея Максимовича Чочуа, выпущенном в 1953 г., на закате сталинской эпохи.

Буквари, предназначенные для 1 класса начальной школы, в XX в., как зеркало, отражали периодически меняющиеся политико-идеологические установки государства. А.М. Чочуа является автором множества абхазских букварей, книг для чтения и учебников по абхазскому языку, выпущенных с 1909 по 1960 гг.

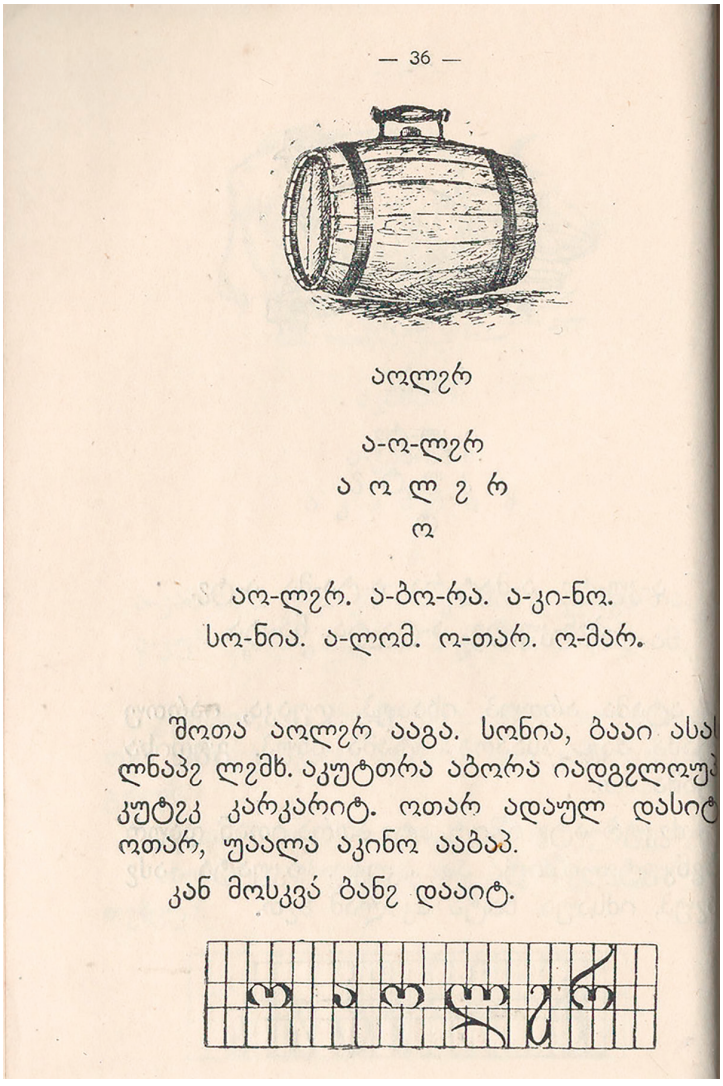
Как известно, во всех букварях буквально с первых страниц появляются личные детские имена, присущие той этноязыковой среде, к которой принадлежит их целевая аудитория. Букварь – это первая книга, с которой знакомится ребёнок на родном для него языке, если этот язык является языком школьного образования. В таком случае вполне естественно, что детские имена, фигурирующие в букваре, должны отражать реальный антропонимический фонд соответствующего народа в определённый исторический период.

Любопытно, что на страницах упомянутого абхазского букваря 1953 г. впервые появляются грузинские и иные воспринятые абхазами от грузин личные имена – Мушьни, Оҭар, Ҭамаз, Ҭинаҭ, Шьоҭа[2].

[1] Делба М.К. К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми, 1951. С. 9; Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997. С. 123, 124; Смирнова Я.С. Этнографические мотивы в произведениях абхазских писателей // Советская этнография. 1951. № 1. С. 205.

[2] См. Ҷоҷуа А.М. Анбан шәҟәы. Аҟәа. 1953.

Рис. 1. Пример одной из страниц букваря 1953 г.



Известно, что в указанный период времени подобные имена не были редкостью среди абхазских детей: абхазская антропонимия, по крайней мере двух последних столетий, была чувствительна к текущей политико-культурной ситуации, чего, например, не наблюдалось на Северо-Восточном Кавказе из-за существенно большей роли религиозного пласта идентичности. Вместе с тем, в букварях, выпущенных А.М. Чочуа в предшествующий период, эти имена не использовались, а в букваре, появившемся в 1957 г., через четыре года, уже в постсталинский период, из пяти перечисленных имён осталось только два – Мушьни и Оҭар[1]. В последующих версиях абхазских букварей пропадают и эти имена.

[1] См. Ҷоҷуа А.М. Анбан. Аҟәа. 1957.

Очевидно, что внедрение грузинских (а также распространённых у грузин и воспринятых абхазами через грузин) имён в абхазский букварь 1953 г. не было случайностью, а являлось одним из инструментов многоаспектной политики ассимиляции абхазского этноса, которую грузинское республиканское руководство проводило вплоть до середины 1950-х годов. Эта политика замедлилась с изменением политической конъюнктуры после смерти Сталина. Аналогичный откат произошёл, в большей или меньшей степени, и в других регионах Советского Союза, ранее затронутых форсированной административной этнокультурной гомогенизацией.